

Ю. И. ШАПОВАЛ

<О Н. С. Хрущеве>

Украинские страницы биографии Н. С. Хрущева до сегодняшнего дня остаются одними из наименее изученных. Помню, как Сергей Никитович, сын Хрущева, профессор В. Таубман и я в 1990 г. ездили по Киеву, по местам, связанным с пребыванием тут Хрущева. Случалось, что к нам подходили незнакомые люди, делились воспоминаниями. В очередной раз подтверждалось: Хрущев был нестандартным коммунистическим вождем и в значительной степени этому содействовало его пребывание на Украине.

Впрочем, если говорить о неизвестных страницах его биографии, стоит вспомнить более ранний период. Он родился в селе Калиновка Дмитриевского уезда Курской губернии в 1894 г. Крестили ребенка в день рождения — 3 апреля по старому стилю. Обратив на это внимание, я четыре года назад писал о необходимости уточнения даты рождения Н. С. Хрущева. Во многих справочных изданиях указано, что он родился 17 (5) апреля 1894 г. Сам Хрущев в некоторых собственноручно заполненных анкетах называл днем своего рождения 16 (4) апреля того же года. Однако метрическая книга села Калиновка подтверждает, что он родился 15 по новому и 3 по старому стилю апреля и был одиннадцатым зарегистрированным в этот день новорожденным.

Можно определенно сказать, что впервые в вихрь оппозиционных настроений он попал в связи с событиями, связанными с расстрелом рабочих на Ленских приисках 4 апреля 1912 г. Этот расстрел дал импульс массовым политическим забастовкам, которые прокатились и по Украине. Имели место они и в Донбассе, где тогда жил и работал Хрущев, принимавший участие в сборе средств для семей расстрелянных рабочих. Архивы сохранили интересный документ — донесение начальника екатеринославского губернского жандармского управления, в котором среди

других упоминают имя восемнадцатилетнего слесаря завода Боссе Никиты Хрущева.

После Февральской революции 1917 г. его избирают сначала членом Временного исполкома, а 29 мая председателем Рутченковского Совета рабочих депутатов. Пройдет пять лет, и в марте 1922 г. Хрущев (кстати, впервые) обратится к жанру мемуаров: он напишет небольшую статью под названием «Воспоминания рутченковца» для районной газеты «Диктатура труда». Тогда, в начале 20-х гг., Хрущев работал на Рутченковском руднике, руководство которым осуществляло управление, состоявшее из председателя и двух заместителей — по технике и политической работе. Последней как раз и ведал Хрущев. Со своими обязанностями он справлялся успешно, следствием чего стало предложение занять пост управляющего Пастуховским рудником. Однако Хрущев решил поступить на рабфак при Юзовском горном техникуме. Неоднократно он обращался с просьбой к секретарю Рутченковского рудника А. П. Завенягину и, наконец, получил согласие. С июля 1925 по декабрь 1926 г., то есть после окончания учебы, он работал секретарем Петрово-Марьинского райкома КП(б)У.

Именно об этом периоде сохранились интересные воспоминания тех, кто работал вместе с Хрущевым. П. Я. Мордин писал: «В этот период наши парторганизации вели большую работу по восстановлению шахт, затопленных в гражданскую войну... Никита Сергеевич терпеть не мог бюрократизма и недисциплинированности. Особенно он часто пробирал Петровского рудоуправляющего за его чванство и грубое отношение к рабочим». Именно в этот период Хрущев формируется как руководитель, которому чужд «кабинетный» стиль работы, который очень высоко ставил непосредственное общение с людьми.

В декабре 1926 г. его переводят в Сталино (так переименовали Юзовку) на должность зав. организационным отделом и одновременно заместителем секретаря Сталинского окружкома КП(б)У. Поскольку тогда в окружкоме числился лишь один секретарь (это был К. В. Моисеенко), то заорг был фактически вторым секретарем. Однако и в Сталино он работал недолго.

В день своего 70-летия Хрущев сравнит собственную жизнь с лестницей и подчеркнет, что преодолел ее, не перепрыгивая через «ступеньки», выполняя любое порученное ему дело. В целом, как свидетельствуют факты, так и было. Вместе с тем многие «ступеньки» ему помогали преодолевать тогдашние руководители. Среди них Л. М. Каганович, который в апреле 1925 г. возглавил ЦК КП(б)У. Именно он в 1928 г. предложил Хрущеву должность

заместителя зав. орграспредотделом ЦК. Каганович мотивировал свое предложение тем, что в аппарате ЦК мало выходцев из рабочих. После определенных колебаний Хрущев согласился, хотя и выставил одно условие: при первой возможности направить его на работу в любой округ, лучше промышленный.

Хрущев и Каганович были знакомы с 1917 г. (они познакомились в Юзовке). Знали Хрущева и в ЦК, и даже в Политбюро ЦК КП(б)У после скандального дела уже упомянутого К. В. Моисеенко, которого за «мелкобуржуазный налет» вытеснили с поста секретаря окружка. В этом деле Хрущев занял твердую позицию, которую отстаивал перед комиссией ЦК КП(б)У и перед Политбюро ЦК КП(б)У в сентябре 1927 г. В апреле 1928 г. секретариат ЦК КП(б)У рекомендовал его зав. орготделом Киевского окружного парткома, который возглавлял Н. Н. Демченко.

Так Хрущев оказался в Киеве. И хотя на этот раз отношения между «первым» окружкомом и заворгом были конструктивными, вскоре Хрущев поставил вопрос о своем отъезде из Киева. Это удивило многих, включая С. В. Косиора, который с июля 1928 г. возглавил ЦК КП(б)У. Начали подозревать, что Хрущев не «срабатывается» с Демченко. Однако никакой конфронтации между ними не было. Просто Хрущев понял: без учебы не будет дальнейшего служебного роста. После разговора с Косиором он получает согласие на отъезд в Москву, в Промышленную академию. Однако поступить в это учебное заведение оказалось не так просто, поскольку у него не было необходимого стажа руководящей хозяйственной работы. И все же выход он нашел: обратился к Л. М. Кагановичу, который тогда был уже секретарем ЦК ВКП(б). Вопрос, разумеется, мгновенно решили. Пребывание в Промышленной академии дало еще один импульс карьере Хрущева, который в 1931 г. перешел на партийную работу в Москве.

На Украину он вернулся в январе 1938 г. Причем он не стремился возвращаться по нескольким причинам. Прежде всего, как признавался сам, считал себя менее квалифицированным работником, чем С. В. Косиор. Кроме того, имел большие сомнения относительно собственных способностей компетентно ориентироваться в национальной политике, находить общий язык с украинской интеллигенцией. Ответ Сталина на эти аргументы был кратким. Он сказал, как вспоминал сам Никита Сергеевич, «что я должен работать на Украине». Такая категоричность не была случайностью. Украине нужен был руководитель, который бы стал заменой С. В. Косиору и без колебаний продолжил бы определенную «отцом народов» политическую линию. Хрущев заслужил сталинское доверие, работая в Москве.

Хрущев обратился к Г. М. Маленкову с просьбой рекомендовать для своей «команды» украинцев, работавших в то время в аппарате ЦК ВКП(б) и в руководящих органах в Москве. Такие люди были подобраны, а среди них М. А. Бурмистенко, З. Т. Сердюк, Д. С. Куротченко и др. Вопреки своим собственным сомнениям, Хрущев вел весьма определенную и жесткую линию в сфере национальной политики на Украине. Именно при нем в конце 30-х гг. фактически была сведена на нет проводившаяся с начала 20-х гг. линия на «коренизацию» (а значит и на «украинизацию»)¹.

Перед отъездом Хрущева в Украину Сталин специально обратил внимание на необходимость серьезного отношения к сельскому хозяйству. Хрущев много ездил по Украине, встречался постоянно не только с руководителями, но и с агрономами, простыми крестьянами. В предвоенный период состоялось его знакомство с Т. Д. Лысенко. Впрочем, не только с ним, но и со многими действительно выдающимися представителями украинской науки и культуры. Хрущев поддерживал многих из них. Например, еще до войны он познакомился с академиком Е. О. Патонем, который рассказал об изобретенном уникальном способе сварки стали. И в последующие годы Хрущев всегда находил время для поддержки ученого.

И еще такой факт: во время войны с нацистской Германией Хрущев лично дал Е. О. Патону (как, кстати, и поэту П. Г. Тычине) характеристику-рекомендацию для вступления в партию. Вместе с заявлениями Патона и Тычины эти характеристики были направлены Сталину.

Конечно, при всем этом не стоит идеализировать взаимоотношения Хрущева с украинскими интеллектуалами, ибо эти отношения в значительной степени определялись политико-идеологической конъюнктурой. Примером, который подтверждает правильность такого вывода, является эволюция оценки Хрущевым киноповести А. П. Довженко «Украина в огне». Восторженно оценив это произведение в августе 1943 г., Хрущев резко меняет позицию в конце того же года. Почему? Потому что эта киноповесть оказалась «националистической» кремлевским руководителям и лично Сталину. 31 января 1944 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) Сталин выступил с речью «Об антиленинских ошибках и националистических извращениях в киноповести Довженко «Украина в огне». Киноповесть не просто критиковали, а объявили «антисоветской, ярким проявлением национализма, узкой национальной ограниченности».

Окончательную расправу над талантливым писателем и кинорежиссером передали в руки «украинских товарищей» во главе

с Хрущевым. Именно его подпись стоит под постановлением Политбюро ЦК КП(б)У «О Довженко А. П.» от 8 февраля 1944 г. В соответствии с этим решением Довженко освобождался от обязанностей члена Всеславянского Комитета², Комитета по Сталинским премиям при Совнаркоме СССР, редколлегии журнала «Украина», а также от должности художественного руководителя Киевской киностудии. И хотя сохранились свидетельства того, что Хрущев симпатизировал Довженко, политическая конъюнктура взяла верх. Именно с погромной критики А. П. Довженко начался очередной этап борьбы с «националистическими проявлениями» в среде украинской творческой элиты.

Здесь, думается, уместно коснуться темы «Хрущев и политические репрессии». На наш взгляд, история пребывания Хрущева в Украине дает в этой связи интересную «информацию к размышлению». Прежде всего документы подтверждают его причастность к репрессивным акциям. В частности, после отъезда С. В. Косиора в Москву возникло дело о «заговоре» в комсомоле Украины. По версии «драматургов» из НКВД, этот «заговор» возглавлял первый секретарь ЦК ЛКСМУ С. И. Усенко. Мне удалось найти весьма выразительный документ — справку за подписью исполняющего обязанности начальника 2-го отдела УГБ НКВД УСССР Павлычева, в которой, в частности, указывается, что С. И. Усенко «является руководящим участником контрреволюционной правотроцкистской организации». На этой справке стоит собственноручная резолюция Хрущева: «Арестовать. Н. Хрущев. 18. XI. 38 г.».

Да, приехав на Украину в последний год «ежовщины», Хрущев был причастен ко многим ее чудовищным реалиям. Но случай со справкой по «делу» С. И. Усенко дает основания и для такого вопроса: на чем, собственно, поставил визу Хрущев? На подробном рассказе о «сговоре» многих руководящих работников, причем рассказ этот основывался на собственных «признательных показаниях» этих людей. Вспомним, что в тот период органы госбезопасности имели значительную «автономию», свободу действий. Если в целом по стране они замыкались непосредственно на Сталине, то многие региональные руководители часто вынуждены были брать на веру версии о «вредителях» и «шпионах», предлагавшиеся «драматургами» из НКВД.

Вместе с тем было бы неправильно забывать, что приезд Хрущева на Украину совпал с определенной сменой акцентов в политике борьбы с «врагами народа». Тогда страшные последствия репрессий оказались настолько очевидными, что по решению январского (1938 г.) пленума ЦК ВКП(б) началось исправление, как тогда говорили. «перегибов», восстановление людей в партии,

кое-кого освободили из тюрем и лагерей³. Хрущев принимал в этом активное участие и, по свидетельству современников, с болью размышлял о негативном влиянии репрессивной политики.

Едва ли правильно было бы забывать о его позиции в 1946–1947 гг., когда он, убедившись в катастрофических последствиях возникшего голода, писал и звонил Сталину о необходимости помощи. Тем самым он вызвал гнев тирана, который командировал «для подкрепления» Л. М. Кагановича, хотя при этом и оказал определенную помощь. В те считанные месяцы своего пребывания на Украине (с март по декабрь 1947 г.) Каганович развернул активный поиск «украинских националистов» (естественно, в первую очередь среди интеллигенции), а Хрущев, хотя и осторожно, ему противодействовал.

Характерно, что еще до войны Хрущев негативно оценил грубые действия в отношении членов Компартии Польши и ее составных частей — Компартии Западной Украины и Компартии Западной Белоруссии. В 1938 г. по решению Исполкома Коминтерна они были распущены.

2 октября 1940 г. по инициативе Хрущева политбюро ЦК КП(б) У принимает постановление «О фактах неправильного отношения к бывшим членам КП Польши». Этим документом партийные органы западных областей обязывались преодолеть «огульное политическое недоверие» к бывшим членам КПП, более активно привлекать их к общественной работе.

Вместе с тем документы свидетельствуют, какую жесткую и непримиримую позицию занимал Хрущев в отношении националистического движения на западноукраинских землях. С его ведома и санкции здесь применялись репрессивные меры, имевшие целью в первую очередь противодействие организации украинских националистов (ОУН), Украинской повстанческой армии (УПА)⁴. Именно на это он, в частности, ориентировал в своем докладе на созванном в Львове совещании секретарей обкомов КП(б)У, начальников облуправлений НКВД, НКГБ, командующих военными округами 14 февраля 1946 г.

На практике эта линия зачастую приводила к нарушениям законности, антигуманным действиям против мирного населения. Лично Хрущев стимулировал и поощрял такие действия, как карательные операции спецгрупп МВД-МГБ, переодетых в форму УПА, расширение агентуры в среде ее сторонников, высылке семей «бандпособников». При этом, как подтверждают документы, Хрущев был хорошо информирован о беззакониях, имевших место при осуществлении отмеченной линии. Так, например, в августе 1945 г. нарком внутренних дел УССР генерал-лейтенант

Рясной направил ему сообщение о «большом количестве случаев аморального и преступного поведения со стороны некоторых военнослужащих» в западных областях Украины. Характерно, что и в данном случае, как и в других, Хрущев требовал устранения подобных явлений.

Можно было бы продолжать перечень подобных фактов, но и приведенных документов, думается, достаточно, чтобы понять: не следует однобоко подходить к деятельности Хрущева. Ее необходимо рассматривать с позиций историзма, с учетом тех политических условий, в которых эта деятельность происходила. Сын своего времени, Хрущев тем не менее в силу своих личностных качеств оставил на Украине не только негативный, но и приметный позитивный след. И хотя сегодня на Украине нет недостатка в авторах, стремящихся видеть и пропагандировать только хрущевский «негатив», на наш взгляд, это однобокий подход.

В этой связи стоит сопоставить два столетних юбилея. В ноябре 1993 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Л. М. Кагановича. Однако тот юбилей, в отличие от хрущевского, никто не заметил, хотя и Каганович, и Хрущев ходили у Сталина в «специалистах по украинскому вопросу». Тем не менее «железный Лазарь» нажил себе однозначную славу украинофоба, а Хрущев — славу украинофила, а многие его искренне считали украинцем по происхождению. Почему? Потому что эти два политика, вышедших «из сталинской шинели», выказали совершенно разную способность понимать интересы и чаяния людей. У Хрущева, вопреки всем его реальным недостаткам, такая способность была. Именно это постепенно формировало в нем отца «оттепели», которым он вошел в историческую память миллионов людей.

